

АНДРЕЙ
ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД
ИСАЕВ

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Леонид Маркович Исаев (р. 1987) – арабист, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Африки РАН, старший научный сотрудник Российского университета дружбы народов.

Бесконечная история: федерализм и арабская идея¹

У арабского федерализма есть собственная пред- история, с полным основанием позволяющая говорить о том, что федералистские проекты, запущенные недавней «арабской весной», родились отнюдь не на пустом месте. Она, безусловно, не была слишком длинной, поскольку впервые арабы заговорили о федерации лишь накануне Первой мировой войны, но зато ей трудно отказать в разнообразии: наряду с проектами реформирования Османской империи в дуалистическую турецко-арабскую монархию в стиле Австро-Венгрии, обсуждаемыми накануне 1914 года, среди ее репрезентаций можно найти многочисленные интеграционные инициативы межвоенного и послевоенного панарабизма, а также неоднократно (удачные и неудачные) попытки федерализации отдельных арабских государств, предпринимаемые на волне деколонизации и национализации. К концу бурного XX века страны Ближнего Востока и Северной Африки были вовлечены как минимум в семнадцать интеграционных проектов с участием независимых государств, содержавших те или иные признаки федерации, причем десять из них приходились на долю панарабских союзов Сирии и Ирака. Весь этот богатый опыт, взятый в своей совокупности, во-первых, дезавуирует рассуждения о том, что арабская культура государственности не сочетается с принципами, на которых основана любая федерация², а во-вторых, позволяет более или менее оптимистично оценить нынешние перспективы федерализации обществ, в XXI веке ввергнутых в хаос «арабской весной» и пытающихся выбраться из своего печального состояния, децентрализуя свои управленческие системы.

ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ ПЛОДЫ НАЦИОНАЛИЗМА

Межвоенные попытки арабских обществ создать единое политико-территориальное пространство – как правило, на федеративных началах – были обусловлены подъемом арабского

1 Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (№ 19-18-00155).

2 «В исламе суверенитет не может делиться, как в американском федерализме, поскольку он принадлежит только Аллаху, а политика не может быть автономной сферой человеческой деятельности», – пишет, например, Халид Хабиб. См.: НАВИВ К. *Federalism or Islam? Ibn Khaldun on Islam and Politics* // WARD A., WARD L. (Eds.). *The Ashgate Research Companion to Federalism*. Ashgate: Farnham, 2009. P. 548.

национализма, начавшимся на рубеже XIX и XX веков и достигшим апогея к середине прошлого столетия. Стоит отметить, что исходный импульс, инициировавший этот процесс, вызревал не внутри самого арабского мира, а за его пределами: пробуждению арабского самосознания, базовым ареалом становления которого была Османская империя, способствовала прежде всего «младотурецкая» революция 1908 года. Ее идеологи выдвинули новую версию османизма, которая предполагала целенаправленное формирование турецкой нации как государствообразующей нации империи – и тем самым противопоставляла турок всем прочим группам, населявшим владения султана³. Естественно, такая постановка вопроса вынуждала арабское интеллектуальное сообщество к реакции: оно приступило к эмансипирующему обособлению себя от единоверцев-турок и поискам духовного субстрата, спланивающего арабов как особую национально-лингвистическую общность. Если до той поры, по словам Бернарда Льюиса, «арабы, пусть даже гордясь своим происхождением и своей культурой, соглашались с турецким доминированием во всемирной мусульманской умме, подобно тому, как Данте Алигьери в свое время принимал верховенство немцев в Священной Римской империи»⁴, то теперь обязательства перед привычным сюзереном начали казаться им слишком обременительными и сковывающими. Намечающийся раскол был зафиксирован и терминологически: современный арабский термин, обозначающий национализм (*qawmiyya*), отсылает к размежеванию, отчуждению и фракционности.

Брожение в рядах арабских интеллектуалов усилилось после масштабной кампании по закрытию их культурно-литературных клубов, политических комитетов и газет, развернутой младотурками по всей территории империи в 1909–1910 годах. Реакция на эти административные меры была вполне закономерной: если раньше вся эта деятельность не вызывала в арабской среде особого интереса, поскольку лояльность султану считалась приоритетным принципом социального поведения, то сейчас силы, продвигающие «арабскую идею», встречали у арабов больше понимания и сочувствия. Именно с этого момента арабские националисты все громче начинают ставить вопрос о децентрализации империи и предоставлении

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

- 3 Подробнее см.: КОСАЧ Г.Г. *Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса* // *Национализм в мировой истории* / Под. ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 259–331; КУДРЯШОВА И.В. *Нациестроительство на Ближнем Востоке: от мусульманской уммы к нации-государству?* // *Политическая наука*. 2008. № 1. С. 132–166; ЛЕВИН З.И. *Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. Идеальный аспект*. М.: Наука, 1988; SNOUEIRI Y. *Modern Arab Historiography: Historical Discourse and the Nation-State*. London: Taylor & Francis, 2003; MCMEEKIN S. *The Ottoman Endgame: War, Revolution and the Making of the Modern Middle East*. London: Penguin, 2015; ТИВІ В. *Arab Nationalism: Between Islam and the Nation-State*. New York: St. Martin's Press, 1989.
- 4 LEWIS B. *From Babel to Dragomans: Interpreting the Middle East*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 157.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

ее арабским землям широкой автономии. В 1913 году в Париже состоялся Первый арабский конгресс, делегаты которого открыто потребовали автономии для Леванта, или «Великой Сирии», включавшей в себя территории таких современных образований, как Израиль, Иордания, Ливан, Палестина и Сирия⁵. В момент проведения это событие осталось почти не замеченным, но зато в будущем обозначенная на нем размова между турками и арабами повлекла за собой серьезнейшие геополитические последствия, которые сказывались на судьбах арабского мира в течение нескольких десятилетий. Дело в том, что расколом, разделившим турецкие и арабские элиты империи, не замедлили воспользоваться европейские державы, расширявшие в тот период свою колониальную экспансию на периферии Османской империи. (Так, Франция активно продвигала себя в Марокко, Великобритания утверждалась на берегах Персидского залива, а Италия пыталась закрепиться в Ливии.) В 1910-е европейцы, желая упрочить свои позиции «на местах», налаживали тесные связи с ближневосточными элитами. Как будет показано далее, это внешнее воздействие самым непосредственным образом влияло на оформление и включение в повестку дня тех или иных объединительных проектов, разрабатываемых арабскими политиками и интеллектуалами. В подобных инициативах они видели своеобразное противодействие нарастающему их давлению Европы.

К концу бурного XX века страны Ближнего Востока и Северной Африки были вовлечены как минимум в семнадцать интеграционных проектов с участием независимых государств, содержавших те или иные признаки федерации.

Таким образом, складывание в арабском мире первых интеграционных инициатив, начавшееся на рубеже веков, неотделимо от становления арабского национализма. Объединительному порыву вполне логично должны были предшествовать выявление и утверждение той сущности, которую предстояло собрать воедино. Новое идейное течение возникло в начале XX века, набирая силу преимущественно в двух локациях – египетской и велико-сирийской, – которые в рамках Османской империи во многих отношениях были особенными. При этом стоит отметить, что арабская национальная идея в интерпре-

5 Подробнее см.: Луцкий В.Б. *Предисловие* // Сайд А. *Великое арабское восстание. Подробная история, охватывающая арабское движение за четверть века*. М.: Московский институт востоковедения, 1940. Т. I. Вып. 2. С. 12–15.

тации египетских мыслителей отличалась от того концептуального конструкта, который позже породила базовая ветвь арабского национализма: на это обстоятельство стоит обратить особое внимание, ибо оно не раз напомнит о себе в будущем. Прежде всего эта разница объяснялась уникальностью места, которое было отведено Египту в политическом устройстве Османской империи: он всегда состоял в особых отношениях с «Блистательной Портой», не упуская ни одной возможности, чтобы подчеркнуть собственную самостоятельность. Как отмечает российский востоковед Константин Труевцев, комбинируя в своей социально-политической структуре три непохожих друг на друга слоя в лице христиан-коптов, до XVIII века составлявших большинство населения; арабов, появившихся в египетских землях в VII веке, и мамлюков, перебравшихся в Африку из нетурецких областей Османской империи, «Египет тяготел к оформлению собственного национально-государственного устройства»⁶. Это не могло не сказаться на характере местной арабской общественно-политической мысли и ассортименте прорабатываемых ею сюжетов: после завершения Первой мировой войны внимание египетских националистов в основном ограничивалось Долиной Нила и прилегающим к Египту Суданом, а также путями отделения от Великобритании и перспективами самостоятельной внутренней и внешней политики⁷. Для образованного египтянина начала XX века лояльность родине (*al-wataniyya*) и лояльность своей национальной группе (*al-qawmiyya*) совпадали друг с другом.

Но, воодушевляясь величию исторической миссии, приписываемой сугубо Египту, и абстрагируясь от остального арабского мира, расцениваемого в качестве египетской периферии, здешние интеллектуалы обрекали себя на неспособность сформулировать общеарабский политический нарратив. Именно поэтому первая треть XX века была отмечена «почти полным безразличием – или вообще враждебностью – египетской публики к арабской национальной идее и арабскому националистическому движению»⁸. Впрочем, антипатия была обоюдной: так, сирийский националист Наджиб Азури писал в 1905 году:

«Мы отбрасываем мысль об объединении Египта и Арабской империи под скипетром одного монарха, египтяне не принадлежат к арабской расе, они часть африканской берберской семьи, а язык, на котором они говорили до ислама, не имеет никакого сходства с арабским языком»⁹.

6 ТРУЕВЦЕВ К. М. *Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи* // Полития. 2003. № 3. С. 105.

7 Подробнее см.: ИСАЕВ Л. М. *Арабская весна и Лига арабских государств: между Багдадом и Каиром* // Восток. 2013. № 3. С. 55–63; ROGAN E. *The Arabs: A History*. London: Penguin, 2012.

8 GERSHONI I. *The Emergence of Pan-Arabism in Egypt*. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1981. P. 25.

9 Цит. по: КОСАЧ Г. Г. *Указ. соч.* С. 269.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

Следовательно, нельзя считать случайностью то, что сами понятия «арабской нации» и «арабской родины» в конечном счете были артикулированы не в Египте, а в Леванте; именно в левантской интерпретации они составили ключевые элементы арабской национальной идеи, которая в будущем воплощалась в конкретные политические начинания и инициативы. Здесь же был введен в оборот и сам этноним «араб»¹⁰. Египтяне, однако, даже возводя свою генеалогию к «эпохе фараонов», отнюдь не полностью отворачивались от проблематики арабского единства, ситуационно обращаясь к ней ради собственной пользы. В имперский период египетские и левантские конструкты иногда сочетались, а иногда сталкивались. В этом смысле показательна судьба политического проекта, который в конце XIX века выдвинул Абд аль-Рахман аль-Кавакиби: этот мыслитель, который жил и работал в Сирии, но в конце жизни переехал в Египет, в своей трактовке обновленного халифата одним из первых наметил контуры арабской уммы, понимаемой как универсальная политическая целостность. Османская империя объявлялась им государством деспотическим, что, по мнению аль-Кавакиби, подрывало духовные прерогативы ее руководителя¹¹. Открыто отвергая османский халифат, реформатор противопоставлял ему халифат нового типа, опирающийся на арабскую культурно-религиозную традицию и возглавляемый прямым наследником Пророка. И если по своему духу построения аль-Кавакиби были вполне «левантийскими», то их воплощение было отчасти «египетским»: находясь в Каире, мыслитель поступил на службу к хедиву, нарочито дерзившему туркам, – и поэтому не исключено, что критика османского государства вменялась ему в служебные обязанности и велась на египетские деньги¹².

Как бы то ни было, этот проект получил определенную известность, сделавшись предметом дискуссии, в которую в последующее десятилетие включились представители политических и интеллектуальных элит Арабского Машрика – Сирии, Ливана, Палестины, Месопотамии и Аравии. Примерно та же схема легла и в основу переговоров, которые в годы Первой мировой войны и сразу после нее велись высокопоставленными арабами с европейскими эмиссарами и на которых обсуждалось обособление этой части арабского мира от Османской империи. Сторонники объединительной инициативы предполагали, что ее должно увенчать учреждение единого арабского государства во главе с общенациональным лидером – пред-

10 Там же. С. 261.

11 Всестороннюю критику деспотизма, основанную по большей части на размышлениях европейских авторов, см. в его работе: Аль-Кавакиби А.Р. *Природа деспотизма и гибельность порабощения*. М.: Наука, 1964.

12 Lewis V. *Op. cit.* P. 161.

ставлявшим династию Хашимитов шерифом Мекки, который был потомком Мухаммада. Соответственно, халифат, возглавляемый османским султаном, в этой оптике выглядел вынужденной, устаревшей и опасной aberrацией. Впрочем, вплоть до середины 1930-х общественный интерес к подобным планам оставался незначительным.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

Панисламистское видение единства бывших османских владений продолжало определять панарабские концепции вплоть до середины 1930-х, когда в моду в арабском мире вошли националистические нарративы фашистской Италии и нацистской Германии.

После окончания Первой мировой войны и последующего крушения Османской империи идеология арабского национализма утратила свою антитурецкую заостренность. Теперь на первый план в ней вышли мотивы антиколониализма и антизападничества, которые подогревались негодованием и возмущением, повсеместно вызванными обнародованием в 1918 году тайных статей соглашения Марка Сайкса, Франсуа Жоржа-Пико и Сергея Сазонова¹³. Но, хотя эта договоренность, которая была достигнута державами Антанты в 1916 году, предусматривала – помимо передачи России черноморских проливов – раздел арабских земель между Англией и Францией¹⁴, в то время лишь узкая прослойка политически озабоченных интеллектуалов воспринимала вытекающую из нее невозможность создания общеарабского государства как серьезную травму. Когда жителям Сирии, Ливана, Ирака и прочих новоявленных политических образований послевоенной поры вдруг доводилось размышлять о своей принадлежности к чему-то большему, нежели их только что обретенные «родины», они по-прежнему делали это в религиозных, а не национальных терминах¹⁵. Панисламистское видение единства бывших османских владений продолжало определять панарабские концепции вплоть до середины 1930-х, когда в моду в арабском мире вошли националистические нарративы фашистской Италии и нацистской Германии. В частнос-

13 См., в частности: BARR J. *A Line in the Sand: Britain, France and the Struggle that Shaped the Middle East*. New York: Simon & Schuster, 2012; МСМЕЕКИН S. *Op. cit.*

14 ANDERSON B. *A History of the Modern Middle East: Rulers, Rebels, and Rogues*. Stanford: Stanford University Press, 2016; НАУМКИН В.В. *Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 2. С. 27–43.

15 LEWIS B. *Op. cit.* P. 167.

ти, лишь к концу этого десятилетия «сложилось убеждение, что арабизм и арабское единство не должны быть для интеллектуальной и политической элиты Египта чем-то чужеродным»¹⁶. Именно в тот период географическим наполнением концепта «арабская нация» становится весь ареал проживания арабов. Интересно, что выработанная тогда трактовка – «арабская умма едина от Океана (Атлантического) до Залива (Персидского)» – остается неизменной и сегодня¹⁷.

Дальнейшему распространению идеи арабского национального единства способствовало так называемое «второе поколение» арабских националистов, активность которого пришла на конец 1930-х и последующее десятилетие. Именно тогда (и с более чем вековым опозданием) у немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте заимствуется положение о «национальной исключительности», посредством которого сирийский историк и публицист Константин Зуррейк обосновывал «великую миссию арабской уммы»¹⁸. Опираясь на этот подход, еще два сирийца, философ Мишель Афляк и политик Салах Битар, приступили к практическому осуществлению первых панарабских проектов политического толка, которыми стали Партия арабского возрождения и Арабская социалистическая партия, объединившиеся в 1947 году в Партию арабского социалистического возрождения («Аль-Баас»). Занимаясь этим интегрирующим партстроительством, Афляк, в частности, не раз подчеркивал, что «в иерархии ценностей [баасистов] единство превосходит социализм»¹⁹. Получив организационно-инструментальное оформление, идея арабской национальной исключительности, о которой говорил Зуррейк, трансформировалась в идеологическое кредо баасизма в частности и арабского национализма в целом: «Арабская умма едина, а миссия ее священна». Уместно подчеркнуть, что в последующие десятилетия именно баасистский универсализм предоставил идейный фундамент для неоднократных попыток федерализации тех или иных частей арабского мира. И, хотя ни один из этих проектов не увенчался полноценным успехом, децентрализованный политический ландшафт арабского языка и арабской культуры даже спустя полвека с удивительным постоянством продолжал воспроизводить интеграционный нарратив. «Кончина панарабизма фиксируется с такой удивительной регулярностью, что порой кажется, будто кому-то просто нравится посвящать ему

16 GERSHONI I. *Op. cit.* P. 14.

17 ТРУЕВЦЕВ К. *Указ. соч.* С. 109.

18 Подробнее о «втором поколении» см.: KASSAB E. *Contemporary Arab Thought: Cultural Critique in Comparative Perspective*. New York: Columbia University Press, 2009.

19 Цит. по: MUFTI M. *Sovereign Creations: Pan-Arabism and Political Order in Syria and Iraq*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1996. P. 48.

некрологи, – писали в конце 1980-х Джакомо Лучиани и Гасан Саламе. – Но идеал единой арабской нации упорно отказывается умирать»²⁰.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ РОЖДЕНИЕ: ФЕДЕРАЦИЯ «ПЛОДОРОДНОГО ПОЛУМЕСЯЦА»

Анализируя объединительные инициативы, рождавшиеся под сенью панарабизма, Малик Муфти отмечает, что в каждом из этих случаев участники руководствовались либо мотивом *экспансии*, желая взять под контроль более слабого партнера, либо мотивом *обороны*, стремясь с помощью более сильного партнера устранить внутренние или внешние угрозы²¹. Такой подход в полной мере сочетается с базовыми условиями образования федераций, выделенными более полувека назад Уильямом Райкером²². Исходя из этого совпадения можно предположить, что концептуальный инструментарий, применяемый в компаративных федералистских исследованиях, будет весьма полезным и при изучении интеграционных проектов в арабском мире.

Многочисленные подтверждения тому являют объединительные (хотя и по большей части тщетные) усилия, предпринимаемые Хашимитскими монархиями «Плодородного полумесяца» в 1920–1940-е. Пионером на этом поле выступил иракский король Фейсал, новорожденное государство которого, во-первых, соседствовало с амбициозными и дерзкими соседями в лице республиканской Турции и шахского Ирана (обе страны были готовы территориально расширяться за счет иракских земель и ждали лишь удобного случая для этого), а во-вторых, переживало глубокий раскол между правящим арабо-суннитским меньшинством и бесправным шиитским большинством (арабы-сунниты могли «уравновесить» шиитов, только привлекая на свою сторону курдов, считавшихся крайне ненадежными партнерами)²³. Притязания Хашимитов на Сирию озвучивались еще в конце Первой мировой войны, но в той ситуации, в которой иракское королевство оказалось к середине 1920-х, импульсы, подталкивавшие его к той или иной интеграции с Сирией, были уже не столько экспансионистскими, сколько оборонительными: объединяясь с соседя-

20 LUCIANI G., SALAMÉ G. *Introduction* // IDEM (Eds.). *The Politics of Arab Integration* [1988]. London: Routledge, 2016. P. 1.

21 MUFTI M. *Op. cit.* P. 6.

22 См.: RIKER W. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1964. P. 12–13.

23 В 1920 году 56% жителей Ирака составляли шииты, 36% – сунниты, 8% – представители немусульманских конфессий. См.: MUFTI M. *Op. cit.* P. 24.

ми, оно желало обезопасить себя от угроз изнутри и снаружи. В свою очередь Франция, после войны распорядившаяся сирийскими землями в соответствии с мандатом Лиги Наций, и неспособная справиться с бесконечными националистическими восстаниями, не раз намекала, что готова к переговорам о превращении Сирии в еще одну Хашимитскую монархию – только теперь под патронажем не Англии, а Франции. Но, несмотря на то, что на протяжении 1920-х Фейсал предлагал свои услуги в качестве короля Сирии неоднократно и настойчиво – в 1920 году ему даже удалось кратковременно попробовать себя в этом качестве, ненадолго утвердив свою власть в Дамаске, – сирийские элиты, как и сирийская публика в целом, все-таки воспринимали его инициативы с беспокойством. Скажем, в его планах превратить оба государства в двуединую монархию с поочередным пребыванием королевского двора в каждой из столиц по полгода усматривали завуалированную попытку Ирака, который к тому моменту уже был более или менее похож на государство, аннексировать Сирию, где самостоятельность пока оставалась мечтой²⁴.

Попытки Фейсала обзавестись сирийской короной сделались особенно настойчивыми с 1929 года, когда пришедшее к власти в Великобритании лейбористское правительство объявило о своей готовности предоставить Ираку независимость. Ожидаемый статус первого суверенного государства арабского мира, по мнению Фейсала, автоматически превращал его страну в главного адепта арабского единства – или как минимум в поборника федеративного союза «Плодородного полумесяца». В 1930 году монарх выступил с проектом учреждения широкой арабской федерации, включавшей, помимо Ирака, Сирии и Трансиордании, Йемен и аравийские земли. Но главным предметом его вождений по-прежнему оставался трон в Дамаске, по поводу которого иракский монарх вел бесконечные и многотрудные переговоры и с французскими властями, и с сирийскими националистами, и со своими британскими покровителями. При этом и первые, и вторые, и третьи видели в заявке Фейсала как плюсы, так и минусы; были моменты, когда все интересы казались согласованными, а вопрос представлялся решенным – но в последний миг все срывалось. В 1931–1932 годах, когда французы вновь ввели в действие сирийскую конституцию, «замороженную» после мощного восстания 1925–1926 годов, а в Сирии были назначены парламентские выборы, эмиссары иракского короля развернули в Леванте беспрецедентную пропагандистскую кампанию в пользу его восшествия на сирийский трон. Агитация, в которой Фейсал изображался главным

24 PORATH Y. *In Search of Arab Unity: 1930–1945*. London; New York: Routledge, 2013. P. 6.

поборником сирийской независимости, а федерация представляла основным инструментом ее достижения, разворачивалась на фоне горячей внутривосточной борьбы в Сирии. Однако прямое обращение к сирийской общественности не дало желаемых результатов: федеративно-монархический проект не впечатлил местных избирателей, которые провалили на парламентских выборах большую часть кандидатов, ориентированных на Фейсала. Конец этой увлекательной эпопеи положила лишь скоропостижная кончина первого иракского монарха в сентябре 1933 года. Усилия Фейсала, однако, успели воодушевить арабских националистов, увидевших в Ираке «арабский Пьемонт» или «арабскую Пруссию» (в зависимости от личностных симпатий) и превративших Багдад в базу для создания организаций и выработки программ, нацеленных на воплощение панарабских федеративных проектов²⁵. Неудивительно, что за этой провалившейся инициативой последовали новые проекты федерализации.

Сирийское предприятие иракского короля Фейсала вызывало плохо скрываемую ревность у его старшего брата, трансйорданского эмира Абдаллы. Дело в том, что осенью 1920 года, после того как временно обосновавшегося в Дамаске Фейсала изгнали оттуда французы, вступившие в обладание Левантом согласно послевоенным договоренностям, он, подхватывая семейный почин, провозгласил себя вице-королем Сирии, – и англичанам пришлось потратить немало сил, убеждая его не конфликтовать с недавними «братьями по оружию». В начале 1920-х, не имея возможности, в силу ряда причин, помешать «братскому» натиску в Сирии, Абдалла временно отступил. Тем не менее в своих статьях, декларациях и письмах он продолжал продвигать панарабизм в федералистском его разрезе. «Несущей конструкцией» его построений выступала «Великая Сирия», объединенная под скипетром Хашимитского монарха. Согласно его концепции, освободившись в ходе арабского восстания 1916–1918 годов от безбожного младотурецкого гнета, Хашимиты позволили наделить политическими правами Неджд, Йемен, Ирак, Трансиорданию и Сирию. Теперь эту государственную субъектность предстояло укрепить. Как отмечают исследователи, «обширные горизонты, не вмещавшиеся в пределы доставшегося Абдалле маленького и бедного владения, манили его всю жизнь – этот импульс до самого конца правления формировал проводимый им политический курс»²⁶. Акцентируя этот аспект еще жестче, некоторые говорят даже об «очевидном презрении», которое новоявленный владыка питал к «Трансиордании, своему нежизнеспособному

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

25 Ibid. P. 14.

26 MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Jordan: A Hashemite Legacy*. London; New York: Routledge, 2009. P. 19.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

государству»²⁷. Старшему сыну шерифа Мекки негде было вернуться, и это поневоле делало его неумным федералистом, мыслящим в масштабах едва ли не всего арабского мира.

Дело, однако, осложнялось тем, что эмиру Трансиордании, в отличие от короля Ирака, было гораздо сложнее отстаивать идею общеарабской федерации: если второй лидер, в особенности с 1930 года, был суверенным и полноправным владыкой, то первый пользовался лишь ограниченной автономией и потому в своих замыслах и делах всецело зависел от англичан²⁸. Это обстоятельство превращало Великобританию в активного участника предполагаемой федерализации «Плодородного полумесяца». В 1936 году Абдалла, воспользовавшись очередным обострением обстановки в Сирии, решил действовать самостоятельно, предложив сирийскому «Национальному блоку» и французскому верховному комиссару подумать о таком рецепте умиротворения мятежного региона, как объединение Трансиордании и Сирии под его собственным началом. Но оба партнера его разочаровали: вполне справедливо считая Абдаллу вассалом англичан, французы не хотели поступаться своим влиянием в регионе, а сирийские националисты, ощущая свою силу, считали, что смогут добиться желаемого и без внешних патронов, связывающих им руки. Убедившись в тщетности своих трудов, иорданский властитель вынужден был дожидаться какого-то внятного сигнала из Лондона.

Федерализация «Плодородного полумесяца» была призвана минимизировать влияние внешних сил – европейских колониальных держав – на их политику, но утвердить федерализм на арабских землях можно было только с санкции Лондона и Парижа.

В буксующей федерализации межвоенных лет от раза к разу воспроизводилась базовая ущербность интеграционных инициатив, исходящих от Хашимитов: федерализация «Плодородного полумесяца» была призвана минимизировать влияние внешних сил – европейских колониальных держав – на их политику, но утвердить федерализм на арабских землях можно было только с санкции Лондона и Парижа²⁹. Причем после кончины Фейсала дело усугублялось еще и тем, что теперь в Хашимитских владения прорабатывались две федералистские инициативы одновременно: иорданские планы Абдаллы

27 ROBINS P. *A History of Jordan. 2nd ed.* Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 17.

28 PORATH Y. *Op. cit.* P. 25.

29 См.: MUFTI M. *Op. cit.* P. 22.

оспаривались иракскими продолжателями дела Фейсала, главным из которых стал Нури ас-Саид, неоднократный премьер-министр Ирака. Европейцы же, как и следовало ожидать, способствовали конкуренции между ними.

Весной 1941 года, после подавления весьма обеспокоившего союзников прогерманского мятежа Рашида Али аль-Гайлани в Ираке, английское правительство решило официально поддержать интеграционные замыслы панарабистов, мечтавших о федеративной «Великой Сирии». По-видимому, одной из причин этого сдвига послужило то обстоятельство, что годом ранее руководство «третьего рейха» посулило аль-Гайлани содействие в создании объединенного (и, разумеется, настроенного против англичан) арабского государства во главе с Ираком: иракский лидер разработал даже специальный план федерализации, который предстояло одобрить в Берлине³⁰. В конце мая 1941-го министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден объявил о запуске новой политики на Ближнем Востоке, предполагающей выстраивание широкого регионального союза арабских стран:

«С окончания последней войны арабский мир достиг значительных успехов, и многие арабские деятели задумываются о гораздо большей степени единства, нежели та, которая присуща ему сейчас. В обретении желаемого они рассчитывают на нашу поддержку. Укрепление культурных, экономических, политических связей между арабскими странами представляется нам естественным и правильным. И в этом смысле британское правительство окажет содействие любому проекту, направленному на эти цели и пользующемуся общим одобрением»³¹.

Разворачиваясь в сторону интеграции, англичане рассчитывали обезопасить себя в будущем от неприятностей, похожих на иракский мятеж: в задуманном ими консолидированном политическом образовании подобного рода выступления было бы сложнее готовить и проще усмирять. Кроме того, смене тональности способствовало и недавнее изгнание из Сирии администрации, утвержденной там марионеточным правительством Виши.

Абдалла, воодушевленный переменами, искал содействия в самых неожиданных местах. В частности, он попытался привлечь к себе на службу Еврейское агентство, действующее в Палестине: причем, как полагали многие, сам факт обращения за сионистской помощью в продвижении арабского единства – владыка Трансиордании желал, чтобы Еврейское агентство финансово поддержало агитационную работу его сирийских сто-

30 Подробнее см.: PORATH Y. *Op. cit.* P. 193.

31 Цит. по: LEWIS B. *Op. cit.* P. 173.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

ронников, – свидетельствовал исключительно о его слабости³². Впрочем, более основательной ему все-таки представлялась ставка на англичан, которых он неустанно (и безуспешно, несмотря на сделанные ими декларации) обхаживал. Шансы Абдаллы стали чуть более радужными после того, как реверансы в его адрес начали делать лидеры сирийского «Национального блока»: они надеялись, что после изгнания вишистов «Свободная Франция» генерала Шарля де Голля сочтет их законными представителями сирийского народа, но этого не случилось – и теперь, желая насолить французам, они стали поощрять интеграционные притязания Абдаллы. Их неискренность, однако, проявилась довольно быстро, а Абдалла осознал, что придется дожидаться другого шанса.

Новая возможность заявить о Хашимитских федеративных устремлениях – в амманском их исполнении – представилась довольно скоро. После того, как осенью 1942 года британцы под командованием Монтгомери разгромили армию Роммеля при Эль-Аламейне, эмир Трансиордании представил британскому резиденту на Ближнем Востоке очередной и еще более полный план политического преобразования «Плодородного полумесяца». К традиционному пожеланию учредить под началом иорданских Хашимитов «полноценный союз» четырех компонентов «Великой Сирии» (Трансиордании, Сирии, Палестины и Ливана) добавился пункт о «культурном союзе» между ней и Ираком, а также определенная рецептура разрешения палестинской проблемы. Подходящую для нового государственного образования форму правления, по мысли Абдаллы, должен был установить конгресс народных представителей, вовлеченных в проект регионов. Кроме того, эмир обещал, что в новом союзе будут гарантированы права религиозных и национальных меньшинств.

Главный изъян этой радикальной инициативы состоял в том, что она не сочеталась с той линией, которую Великобритания проводила в Палестине. У палестинской независимости в те годы было слишком много противников, а перспектива объединения самостоятельной Палестины с Трансиорданией тревожила лидеров сионистского движения, оказывавших ощутимое влияние на британскую администрацию. В итоге англичане предпочли отложить рассмотрение неудобной проблемы, ссылаясь на Белую книгу 1939 года – утвержденный парламентом отчет о реализации британского мандата в отношении Палестины, вступавший в противоречие с предложением арабских элит. Кроме того, план не встретил понимания в рядах тех,

32 РОРАТН У. *Op. cit.* P. 31. О многолетнем и многостороннем сотрудничестве Абдаллы сначала с сионистскими организациями, а потом с государством Израиль см. также: MILTON-EDWARDS B., HINCHCLIFFE P. *Op. cit.*; ROVINS P. *Op. cit.*

кого предполагалось объединять. Если иракские власти сразу же после его обнародования заявили, что конкретные формы приобщения к союзу должны устанавливаться не иорданским властителем, а самими интегрирующимися сторонами, то сирийский «Национальный блок» вообще усомнился в целесообразности монархического правления в качестве базы новой государственности. Наконец, начинание Абдаллы весьма пострадало из-за почти одновременного выдвижения двух альтернативных проектов, также содержавших в себе ту или иную толику федерализма. Первый из них родился в Ираке, а второй – в Египте.

Нури ас-Саид, видный иракский политик, на протяжении своей карьеры восемь раз занимавший пост премьер-министра, с самого начала поддерживал панарабский федерализм своего монарха, короля Фейсала. Поначалу в качестве потенциальных участников процесса он рассматривал только Ирак, Трансиорданию и Палестину, но, оказавшись в изгнании после переворота 1936 года, он включил в свои расчеты и Сирию – не в последнюю очередь рассматривая идею арабской конфедерации в качестве инструмента, способного вернуть ему личную власть. Именно последним обстоятельством объяснялось то, что, в отличие от иных панарабских проектов, в видении Нури ас-Саида важное место отводилось Саудовской Аравии, которая, как известно, состояла в более чем сложных отношениях с династией Хашимитов. В конце 1930-х он не раз пытался рекомендовать свой план англичанам, подчеркивая, что федерализация «Великой Сирии» поможет разрешить палестинскую проблему. Вернувшись в 1938 году в премьерское кресло, он взялся за дело с удвоенной энергией. Поскольку притязания двух ветвей Хашимитов на сирийский трон постоянно сталкивались друг с другом, ас-Саид в 1939 году предпринял ряд шагов по «умиротворению» эмира Абдаллы и дезавуированию его интеграционных планов. Сначала он тщетно пытался убедить иорданского правителя в том, что создание федерации в составе Ирака, Трансиордании, Сирии и Палестины следует рассматривать в качестве консолидированного проекта всего Хашимитского дома и что иракским и иорданским Хашимитам необходимо консолидировать свои усилия. Затем, убедившись, что успехи антигитлеровской коалиции в войне не сулят арабам ничего хорошего, он форсировал реализацию своих планов, не связываясь больше с Абдаллой и продвигая исключительно иракские интересы. С одной стороны, он выступил главным сторонником объявления Ираком войны нацистской Германии, состоявшегося в январе 1943 года; с другой стороны, он сконструировал собственную, ориентированную на Ирак, модель панарабской федерации.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

Проект был обнародован – с согласия англичан – в феврале 1943 года. Увязывая свое начинание с урегулированием палестинского вопроса, Нури ас-Саид считал единение арабских народов оправданным политически и морально, а потому необходимым. Обращаясь в лице союзных держав к Объединенным Нациям, иракский премьер-министр предлагал: а) объединить Сирию, Ливан, Палестину и Трансиорданию в одно государство; б) форму будущего устройства, будь то монархия или республика, унитаризм или федерализм, оставить на усмотрение народов объединяющихся стран; в) создать Арабскую лигу, в которую обновленная «Великая Сирия» и Ирак вступят одновременно; г) Иерусалиму предоставить статус свободного города, а для христиан в Ливане и евреев в Палестине создать специальные автономные округа. Высшим органом исполнительной власти будущей федерации в лице Арабской лиги должен был стать Постоянный совет, состоящий из делегатов всех представленных стран и занимающийся вопросами обороны, внешней политики, таможи, коммуникаций, денежного обращения, а также защиты меньшинств. Обращало на себя внимание то, что, рассуждая о перспективах общеарабского государства, Нури ас-Саид говорил о воссоединении, а не об объединении, подчеркивая тем самым тот факт, что арабский мир уже был единым во времена существования арабо-мусульманского халифата³³.

Иракский деятель попытался комбинировать друг с другом два прежних конкурирующих проекта федерации «Плодородного полумесяца», выдвигавшихся венценосными братьями, – с одной стороны, королем Фейсалом, а с другой стороны, эмиром Абдаллой. Главным пунктом, способствовавшим примирению, выступало то, что нынешний план не предполагал непосредственного слияния Ирака и Сирии, вызывавшего раньше горячие споры и приступы ревности: воссоединение должно было состояться, во-первых, после предварительного оформления «Великой Сирии», а во-вторых, не напрямую, а в рамках Арабской лиги. Разбивая процесс на две стадии, ас-Саид стремился успокоить Абдаллу. Однако, несмотря на все предохранители, встроенные в тщательно проработанную схему, она сразу же начала давать сбои. Заинтересованные стороны так и не договорились о двух принципиальных вещах: о том, кто же займет трон в Дамаске, если «Великая Сирия» откажется от республиканского режима и решит стать монархией, а также о том, какой должна быть степень вовлечения в проект давнего врага Хашимитов – Саудовской Аравии. Поскольку британские власти устами Энтони Идена объявили о готовности поддержать лишь

33 AL-SAID N. *Istiqlal al-Arab wa Wihdatuhum Mudhakkira fi al-Qadiyya al-Arabiyya* [Независимость арабов и их единство в меморандуме по арабской проблеме]. Багдад, 1943. С. 19.

те объединительные планы, которые «пользуются всеобщим одобрением», они тоже встретили инициативу ас-Саида без энтузиазма, увидев в ней только пролог к очередному раунду внутриарабских склок. В итоге и Лондон, и Багдад решили обратиться за помощью к Египту, предопределив тем самым роковой выбор, который, собственно, и поставил крест на федерации «Плодородного полумесяца» в исполнении Хашимитов. Очень скоро египетское вмешательство обернулось тем, что, вместо федеративного союза, воздвигаемого на добровольном отказе его участников от части государственного суверенитета, была учреждена лига независимых государств – естественно, оставляющая суверенитет каждого из них в неприкосновенности.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

ЕГИПЕТ, АРАБСКОЕ ЕДИНСТВО И ЛИГА ВМЕСТО ФЕДЕРАЦИИ

Исследователи не раз обращали внимание на то обстоятельство, что «появление понятий “арабизм” и “арабское отечество” как терминов, принятых египетской политической речью, и, соответственно, определение Египта как части этого “отечества” не может рассматриваться как явление исторически далекого времени»³⁴. Только во второй половине 1930-х египетское интеллектуальное сообщество начало пересматривать собственные приоритеты, касающиеся взаимоотношений Египта с арабским миром. Если прежде египетский национализм был склонен решительно противопоставлять себя панарабскому национализму, то теперь верх брали представления о неразрывном родстве Египта с «арабской семьей», причем эта идентичность утверждалась на фоне все более острой критики изоляционистских теорий, связывающих родословную египетской государственности с «чуждой исламу эпохой фараонов». Установки египетских адептов панарабизма были, однако, противоречивыми: выраженный интеграционный порыв сочетался в них с твердым нежеланием растворить египетскую уникальность в «арабском братстве». Соответственно, будущая унификация арабского мира связывалась ими не с унитарным общеарабским государством, стирающим национальные особенности, а с децентрализованным образованием федерального или квазифедерального типа. Эта гипотетическая федерация, в разных интерпретациях именуемая «арабским союзом», «арабской лигой», «арабским альянсом» или «арабским блоком», по мысли египетских панарабистов, «должна была гарантировать каждой из арабских стран ее законную автономию и видеть свою

34 Косач Г.Г. *Указ. соч.* С. 273.

главную цель в поддержании гармонии между ними»³⁵. Как утверждал, например, один из видных пропагандистов федералистского проекта Мухаммад Али Аллуба, «смысл арабского единства не предполагает попрания независимости ни одного из арабских государств»³⁶. Интересно также, что этот деятель, как и его единомышленники-федералисты, в будущей федерации резервировал за Египтом особую и главенствующую роль.

Состоявшееся в 1936 году подписание англо-египетского договора, предоставившего египтянам частичную независимость во внутренней и внешней политике, позволило Каиру переосмыслить свое место в арабском мире и более активно включиться в его дела. Этому способствовало и утверждение в 1937 году на египетском престоле молодого и энергичного короля Фарука, который поощрял панисламистские и панарабские настроения, считал свою страну неоспоримым флагманом арабского мира и окружал себя политиками и администраторами, разделяющими подобные взгляды. Некоторые приближенные даже начали называть юного монарха «халифом всех правоверных», причем он сам очень дорожил таким наименованием. (Идея, впрочем, не получила особого развития из-за враждебности Турции, Саудовской Аравии и британской администрации.) Иначе говоря, к тому моменту, когда Египту предложили найти выход из федералистского тупика Хашимитов, там уже сложилось самобытное и деятельное видение интеграционного процесса, ключевой особенностью которого было то, что египетское государство считалось единственным потенциальным локомотивом сближения. Интересно, что эта позиция разделялась как политическим классом, так и гражданским обществом. Согласно распространенному мнению, которое в 1936 году выразил Сати аль-Хусри, один из ведущих сторонников светского панарабизма, само географическое положение Египта, его размеры, богатства и культурное наследие превращали его в «естественного лидера арабского национализма»³⁷. Те же настроения фиксировались и в египетских властных структурах: прежде всего к тому времени они прочно господствовали в рядах либерально-националистической партии «Вафд», победившей на парламентских выборах, которые состоялись весной 1936 года. (Несмотря на то, что в декабре 1937-го король отправил правительство этой партии в отставку, в феврале 1942-го ее лидер Мустафа Наххас-паша вернулся в кресло премьер-министра.)

Иначе говоря, к 1943 году египетское руководство было всесторонне готово к тому, чтобы вывести интеграционный

35 GERSHONI I. *Op. cit.* P. 73.

36 Цит. по: Ibid. P. 74.

37 Цит. по: PORATH Y. *Op. cit.* P. 157.

процесс из паралича, в котором он оказался из-за бесконечных дрязг Хашимитов. В марте 1943-го Наххас-паша выступил с заявлением, в котором официально подчеркнул заинтересованность своего кабинета в объединении арабской нации. Это была очевидная заявка на перехват инициативы у былых пионеров панарабизма, иракского и иорданского монархов, а также менее явная, но очевидная попытка обойти короля Фарука, с которым партия «Вафд» негласно, но ревностно конкурировала. Изложенный главой египетского кабинета план предполагал, во-первых, предварительное прояснение позиции каждой арабской страны относительно интеграции (федерализации); во-вторых, проведение в Каире неформальной встречи арабских лидеров, посвященной улаживанию возможных разногласий; в-третьих, проведение общеарабской конференции, призванной правовым образом оформить консолидированную позицию. Наблюдатели сразу обратили внимание на то, что в представленном египетском видении федерализм не занимал такого выдающегося места, которое отводили ему в своих предначертаниях властители Ирака и Трансиордании³⁸.

После обнародования новой инициативы в Каир один за другим стали прибывать лидеры арабского мира. Первым видным гостем, с которым премьер-министр Египта начал обсуждать эти вопросы, стал премьер-министр Ирака. Нури ас-Саид, к объединительным демаршам которого Наххас-паша относился «с подозрением и ревностью»³⁹, посетил египетскую столицу во второй половине июля 1943 года. В Багдаде внезапную активность Египта на интеграционном поле тоже оценивали неоднозначно. За пару месяцев до этого Таха аль-Хашими, иракский генерал, политик и двукратный глава правительства, писал в своем дневнике:

«Нынешний интерес Египта к арабскому вопросу выглядит весьма странным, поскольку совсем недавно в этой стране вообще не принято было упоминать об “арабской нации”, вместо которой предпочитали говорить о “восточных” народах и странах»⁴⁰.

Наххас-паша сразу же указал своему иракскому визави на главный, по его мнению, камень преткновения: таковым был вопрос о центральном правительстве нового объединения, которому – в случае федерализации – предстояло отчасти урезать суверенитет арабских стран. Нури ас-Саид в свою очередь понимал, что после выхода на сцену Египта разработанная иракцами схема федерализации «Плодородного полумесяца» утратила актуальность, оказавшись заведомо непроходной.

38 Подробнее см.: ИСАЕВ Л. *Лига арабских государств: история создания* // Восток. 2011. № 3. С. 87–94.

39 PORATH Y. *Op. cit.* P. 258.

40 Цит. по: Ibid. P. 259.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

Фактически, иракский деятель не без досады сдался: после нескольких встреч с Наххас-пашой он оставил тему артикулированного федеративного союза арабских стран, переключившись на более расплывчатый вариант их «всестороннего сотрудничества» в политике, экономике и культуре.

Следующим в конце августа в Каир приехал премьер-министр Трансиордании Тауфик Абу аль-Худа. Как и следовало ожидать, им была поднята тема «Великой Сирии»: по словам иорданского политика, этот «несправедливо разделенный» европейцами кусок Османской империи требовалось восстановить из тех четырех частей, на которые его раздробили, – в качестве пролога к подлинному арабскому единству. Среди возможных вариантов этого предварительного союза аль-Худа не исключал образование федерации по образцу США или Швейцарии. Касаясь формы правления будущей «Великой Сирии», иорданец, допуская учреждение республики – если на том будут настаивать сами сирийцы, – сам энергично высказывался за монархию, видя на троне исключительно представителя Хашимитов. Шансы на реализацию этого плана, однако, были не слишком велики, что подтвердилось в ходе дальнейших переговоров с саудовскими и сирийскими делегатами.

Надо сказать, что привлечение к диалогу Саудовской Аравии давалось египтянам непросто. Поначалу король Абдель Азиз ибн Сауд вообще отказался направлять своего посланца в Каир, заявляя, что рассмотрение вопроса об арабском союзе, по его мнению, будет преждевременным. Когда же Наххас-паша, настояв на своем, в сентябре все-таки встретил высокопоставленного саудовского собеседника – им оказался личный секретарь короля шейх Юсуф Ясин, – разговор не очень получался: Саудовскую Аравию очень настораживала перспектива того, что под прикрытием общеарабской интеграционной инициативы Хашимиты сумеют все-таки выстроить столь лелеемую ими и столь же неприемлемую для аравийцев «Великую Сирию»⁴¹. В результате переговоров, однако, саудовской стороне стало ясно, что в Египте идея укрепления Хашимитов тоже не вызывает особого восторга, а раз так, то возникает почва для тактического партнерства. Через год, в ходе учредительной конференции в Каире, именно поддержка Саудовской Аравии (а также Йемена) позволила египетскому руководству убедить делегатов в бесплодности общеарабского федеративного проекта и целесообразности Лиги арабских государств.

Несостоятельность планов по созданию «Великой Сирии» была засвидетельствована еще раз, когда в октябре для прове-

41 См.: MADDY-WEITZMAN B. *Jordan and Iraq: Efforts at Intra-Hashimite Unity* // *Middle Eastern Studies*. 1990. Vol. 26. № 1. P. 65–75.

дения объединительных консультаций в Каир прибыл премьер-министр Сирии Саадаллах аль-Джабири. Его подход к созданию арабского союза базировался на трех тезисах: формой правления будущего государства должна стать республика, его столицу следует разместить в Дамаске, а за каждой арабской страной надо зарезервировать свободу вступления или невступления в союз. Представляя сирийскую олигархию, не нашедшую общего языка с Фейсалом, когда тот в 1920 году ненадолго обосновался на сирийском троне, Саадаллах аль-Джабири не желал возвращения Хашимитов. О союзе Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании, по его мнению, можно было размышлять двадцать лет назад, но за это время каждая из арабских стран развивалась по-своему, все заметнее обособляясь от остальных. Разумеется, рассуждения и о непримиримом республиканизме сирийцев, и о расходящихся путях молодых наций были адресованы одному и тому же лицу: иорданскому эмиру Абдалле. Кстати, именно в ходе «сирийского раунда» консультаций Наххас-паша впервые гласно высказал собственные сомнения в том, что «Великая Сирия» когда-либо появится на свет, будь в унитарной или конфедеративной форме. Та же позиция была подтверждена и на последующей встрече с ливанскими представителями, для которых – по причинам, вполне понятным, – тема уступки даже части своего только что обретенного суверенитета в пользу Сирии представлялась крайне болезненной. Наконец, в унисон с ливанцами выступил и последний из знатных переговорщиков – йеменский имам Яхья, побывавший в Каире в феврале 1944 года. Он довольно твердо заявил египетскому премьер-министру, что Северный Йемен примет любую форму сотрудничества с арабскими странами, кроме той, которая посягает на суверенитет его имамата, и без того неустанно отбивающего посягательства со стороны то Саудовской Аравии, то английских владений в Южном Йемене.

Таким образом, в процессе двухсторонних переговоров египетского руководства с представителями шести арабских государств Каир обзавелся колоссальным тактическим преимуществом: поскольку все контакты были сугубо двусторонними, Наххас-паша оказался единственным, кто представлял себе полную палитру идей и настроений, касающихся будущего арабского союза. Собрав уникальный массив информации, египтяне получили возможность скрупулезно продумать последовательность дальнейших действий и сценарий работы будущего форума, который предстояло созвать для учреждения нового интеграционного объединения. Дальнейшие события показали, что они блестяще справились с этой задачей, на несколько десятилетий обеспечив Каиру репутацию главного защитника чаяний и интересов арабского мира.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

После того, как предварительная работа была завершена, наступал черед следующего шага: проводникам интеграции нужно было созвать подготовительный комитет, который определил бы форму будущего межгосударственного объединения и подготовил бы его учредительное заседание. Вопрос о месте работы этого органа вновь выявил разобщенность в арабских рядах, поскольку саудовский монарх настаивал на Мекке; египтянам, однако, удалось противостоять его притязаниям, указав на то, что руководство Ирака – ключевого члена будущего арабского ансамбля – никогда не приедет в Мекку, откуда саудиты позорно изгнали его правящую династию. В итоге сошлись все же на Каире, в котором к египтянам пообещали полноправно присоединиться представители Сирии, Трансиордании, Ливана и Ирака, в то время как делегаты Ливии, Палестины и Йемена решили удовлетвориться лишь статусом наблюдателей. Саудовская Аравия на первых порах от участия вообще отказалась – опять-таки из-за вечных трений с Хашимитами, но Наххас-паша со свойственной ему дипломатичностью сумел уговорить саудовского венценосца прислать на встречу хотя бы наблюдателя. Свой вклад в убеждение Эр-Рияда внесли и англичане, которые всеми силами пытались поддерживать равновесие между двумя ключевыми династиями Ближнего Востока.

Пока шла вся эта работа, Нури ас-Саид, глубоко разочарованный тактическим поражением, которое *de facto* нанес ему египетский премьер-министр, занимался челночной дипломатией, путешествуя между Дамаском и Амманом в попытках опередить египтян – и все-таки успеть сформировать какое-то подобие столь волновавшей Хашимитов «Великой Сирии». Удача, однако, отвернулась от иракца-подвижника: иорданцы заявляли ему, что если они и создадут «Великую Сирию», то без посредничества Ирака, а сирийцы настойчиво предлагали для гипотетической федерации республиканскую форму правления, что иракских монархистов категорически не устраивало. Уязвленный несговорчивостью партнеров, ас-Саид решил взять паузу – но не сдаваться, поскольку суннитская элита Багдада по-прежнему была заинтересована в федерации, – и в мае 1944 года сложил полномочия премьер-министра Ирака.

В самом Египте все тоже складывалось не слишком гладко. Король Фарук изначально с большой завистью воспринимал усилия лидера партии «Вафд» на интеграционном поприще, и, «как только монарх осознал, что Наххас-паша уверенно возглавил все предприятие, он незамедлительно начал выражать сомнения по поводу целесообразности арабского единения»⁴².

Он демонстративно воздерживался от личного участия в межарабских консультациях, пренебрежительно называя их «шоу Наххас-паши» и не скрывая своего отношения от дипломатов других арабских государств. Ожесточение Фарука усугублялось еще и тем, что его премьер-министр не уделял ни малейшего внимания страстному стремлению своего короля сделаться «халифом правоверных». Соперничество между первым лицом и вторым лицом достигло апогея к октябрю 1944 года, когда даже заступничество могущественных англичан не смогло спасти премьер-министра от отставки.

Впрочем, за месяц до своего ухода Наххас-паша успел собрать в Александрии подготовительный комитет будущего объединения. Фактически главная задача делегатов – исходя из совокупного итога предыдущих шестисторонних консультаций – заключалась в том, чтобы придумать такую схему межарабской кооперации, которая позволила бы избежать учреждения *реального* политического союза федеративного типа. В своих предварительных расчетах египетский премьер-министр делал ставку на ключевую для него поддержку со стороны двух стран: Сирии и Саудовской Аравии, полагая, что содействии первой повлечет за собой лояльность Ливана, а благорасположение второй склонит к предлагаемой схеме Северный Йемен. Тем самым, по его мнению, должна будет сложиться мощная коалиция влиятельных арабских стран, которая одолеет Хашимитов Ирака и Трансиордании, попутно погубив оба их федеративных проекта – и «Великую Сирию», и «Плодородный полумесяц».

На деле, однако, участники встречи раскололись не на два, а на целых три блока: в первый вошли политические консерваторы (Ирак и Трансиордания), во второй – приверженцы республиканизма (Сирия и Ливан), в третий – религиозные консерваторы (Саудовская Аравия и Северный Йемен). Наххас-паша понимал, что присоединение его страны к Хашимитам обострит династическое соперничество между ними и египетской монархией, а принятие Египтом республиканской позиции Сирии вызовет, во-первых, резкое неприятие со стороны его собственного короля, а во-вторых, гнев англичан, не желавших упрочения французского влияния в Египте, которое при таком раскладе делалось вполне вероятным. Соответственно, наиболее предпочтительным в подобной ситуации оказывался вариант, который в принципе не предполагал элементов общеарабской государственности, разом снимая тем самым все неудобные политические вопросы – включая и палестинский, самый тяжелый и бесперспективный.

Сирия наиболее болезненно отнеслась к снятию с повестки дня вопроса о создании подлинно союзного арабского госу-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

дарства. В недели и месяцы, предшествовавшие конференции, сирийские официальные лица неоднократно говорили о том, что Ливан, Трансиордания и Палестина представляют собой неотторжимые части «Великой Сирии» и потому надо позволить им воссоединиться. Более того, последовательно отклоняя интеграционные схемы Хашимитов, Дамаск руководствовался не тем, что они казались ему никуда не годными – это делалось по иной причине: из-за того, что сирийским элитам в них отводилось второстепенное место. Например, в сентябре 1944 года, накануне заседания в Александрии, премьер-министр Сирии заявил, что сирийский народ с радостью вступит в альянс с Трансиорданией при условии принятия новым государством республиканской формы правления, добавив, что этот вопрос можно было бы вынести на плебисцит. (Учитывая, что сирийцы в тот момент девятикратно превосходили иорданцев по численности, граничивший с оскорблением демарш был сделан для того, чтобы умерить амбиции эмира Абдаллы⁴³.)

Но перспектива политического союза в какой бы то ни было форме не слишком устраивала дирижировавший всем мероприятием Египет, который намеревался и дальше оставаться «матерью арабских стран», каковой он внезапно осознал себя в предшествующее десятилетие. Увещевая участников процесса, что надо двигаться постепенно и что пирамиду строят не с вершины, а с основания, египетское руководство настойчиво убеждало делегатов оставить – пока! – идею формирования *единого арабского государства* и в качестве первого шага на пути к нему согласиться на вариант всесторонней схемы арабского *межгосударственного сотрудничества*. Реализации этой цели, позволявшей отодвинуть Ирак и Сирию с лидирующих позиций в борьбе за арабское единство, весьма способствовала поддержка, которую Египту оказали Саудовская Аравия и Йемен, ни с кем объединяться не собиравшиеся. Опираясь на содействие религиозных консерваторов, Египет смог не только склонить участников подготовительного комитета к принятию своей позиции, но и отвергнуть предложенные Сирией, Ираком и Трансиорданией разнообразные варианты единого политического управления. На сессиях в Александрии с таковыми выступал, в частности, бывший глава правительства Ирака Нури ас-Саид, теперь представлявший свою страну в подготовительном комитете.

Все резолюции, принятые подготовительным комитетом, были собраны воедино в так называемый «Александрийский протокол», одобренный 7 октября 1944 года. В нем впервые

43 Ibid. P. 280–281.

появилась формулировка «Лига арабских государств». Целью нового объединения объявлялась консолидация межарабских связей: Лиге предписывалось координировать политические планы, а также защищать независимость и суверенитет арабских стран. Новая терминология глубоко возмутила представителей Ирака и Сирии, которые, уже понимая к тому моменту, что общеарабское государство превратилось в мираж, рассчитывали все же на что-то большее, нежели такая невнятная и рыхлая форма, как «лига». Им, однако, не дали даже «конфедерации» – под тем предлогом, что конфедеративные узы могут скреплять только чуждые друг другу страны, а «арабские сестры» к таковым не относятся. Иными словами, «Александрийский протокол» подводил черту под федеративными экспериментами, призванными политически объединить весь арабский мир. Это, разумеется, не означало полной гибели федералистских инициатив с арабской спецификой – просто отныне им предстояло быть более скромными по своему охвату, объединяя либо две страны, либо небольшие группы стран. После этого последовала полоса жестких препирательств будущих членов Лиги по поводу тех или иных положений ее учредительных документов, но в описываемом здесь аспекте дело уже было сделано: 23 марта 1945 года мир уведомили о появлении на свет нового политического объединения арабских стран, которое ничуть не походило на федерацию, чаемую многими, – более того, сам термин «арабское единство» в итоговых документах вообще не упоминался. «Желание охватить все арабские государства с неизбежностью снижало градус их единства», – отмечает в этой связи Иешуа Порат⁴⁴.

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

23 марта 1945 года мир уведомили о появлении на свет нового политического объединения арабских стран, которое ничуть не походило на федерацию, чаемую многими, – более того, сам термин «арабское единство» в итоговых документах вообще не упоминался.

БАГДАД – ДАМАСК – КАИР

Несмотря на скромные результаты, которыми борьба за арабское единство увенчалась к 1945 году, даже после создания Лиги арабских государств общеарабская национальная идея

⁴⁴ Ibid. P. 289.

не угасла полностью, хотя ее интеграционный потенциал заметно снизился. Тот факт, что понятие «федерация» в 1950–1960-е по-прежнему занимало видное место в дискурсе арабских политиков, причем в различных странах, объяснялся тремя обстоятельствами.

Во-первых, Хашимитские монархии, пусть даже поначалу травмированные «Александрийским протоколом», не собирались отказываться от своих былых объединительных мечтаний: скорее понесенное в Каире поражение, немало огорчившее местных федералистов, в конечном счете раззадорило их. И если Амман вел себя более или менее сдержанно, то Багдад даже после создания Лиги продолжал – благодаря титаническим усилиям Нури ас-Саида, в очередной раз назначенного премьер-министром, – возделывать ту же ниву. Уже в апреле 1947 года был заключен договор о добрососедстве и союзе между Трансиорданией и Ираком, получивший одобрение англичан, опекавших обе монархии. Правда, после этого федералистский импульс вновь выдохся: когда в 1950–1951 годах иракцы предложили иорданцам настоящую федерацию, причем Абдалла должен был стать первым ее королем, а Фейсал II соглашался на второе место в очереди, их идея снова не встретила понимания. Смерть иорданского монарха, павшего от руки палестинского террориста в июле 1951-го, открывала, казалось бы, возможность для нового старта, но сменившееся иорданское правительство публично и громко отвергло планы федерализации. Время еще не пришло – оно подойдет чуть позже.

Во-вторых, в начале 1950-х восприятие арабского единства изменилось и в самом Египте, оппортунистическая позиция которого в начале 1940-х нанесла огромный ущерб идее политического сплочения арабских государств. Очень скоро, после антимонархической революции 1952 года, в результате которой у власти оказались Гамаль Абдель Насер и его «молодые офицеры», в египетском общественно-политическом сознании произошел фундаментальный сдвиг: египтяне начали ощущать себя не только составной частью арабской уммы (как мы помним, в прежние десятилетия у них были с этим проблемы), но и самим ее ядром⁴⁵. И если еще в конце 1940-х даже умеренные сторонники арабского национализма – такие, как премьер-министр Наххас-паша или первый генеральный секретарь Лиги арабских государств Аззам-паша, – считались в египетском интеллектуальном сообществе чуть ли не маргиналами, то в постреволюционную эпоху идея общеарабского единства буквально захватила египетское общество.

45 См., например: VATIKIOTIS P.J. *Arab and Regional Politics in the Middle East*. London: Routledge, 1984.

В-третьих, интеграционные импульсы подстегнуло растущее влияние Партии арабского социалистического возрождения («Аль-Баас»), сторонники которой в 1960-е пришли к власти в Ираке и Сирии. Считая основной целью своей организации формирование единой арабской нации, они стремились к преодолению «фальшивой» государственности арабских стран, созданной колонизаторами и противной воле их народов. В партийных документах начала 1960-х об этом говорилось так:

«Единство – не простое собирание частей арабского мира, но сплавление этих частей воедино. [...] Единство – революция в полном смысле слова, так как оно ликвидирует местнические интересы, которые утверждались и существовали веками. Это революция, так как она противостоит интересам и классам, отвергающим единство»⁴⁶.

В ходе реализации этой программы части «сплавлялись воедино» в разных комбинациях и на разные временные периоды, но – независимо от успехов или неудач этих предприятий – все они в будущем послужили, во-первых, важной федералистской школой для арабских наций и, во-вторых, бесценным материалом для специалистов по сравнительному федерализму.

С конца 1940-х главным объектом почти всех интеграционных инициатив, рождавшихся на Ближнем Востоке, стала Сирия. О притязаниях, многократно предъявляемых на эту страну и иракскими, и иорданскими Хашимитами, уже говорилось выше; причем создание Лиги отнюдь не поставило крест на этих амбициях. Став в 1946 году суверенным государством, Сирия вступила в полосу нестабильности, обусловленную привычной для нее слабостью центральной власти и характеризующую длинной чередой военных переворотов. Иракская монархия неустанно предлагала проекты федеративного объединения сирийским режимам, приходившим на смену друг другу с невероятной быстротой – в одном только 1949 году власть в Дамаске сменилась трижды, – но ни разу не преуспела, поскольку трудно вести диалог с партнерами, чуть ли не ежемесячно меняющими своих переговорщиков. Тем не менее в Сирии всегда имелись политические круги, для которых союз с Ираком представлялся выгодным делом – либо в политическом, либо в военном, либо в экономическом смысле – и которые отстаивали интеграционную повестку, несмотря на частое обновление политических декораций. Иракское правительство, естественно, старалось поддерживать эти сантименты: например, когда в мае 1951 года Сирия, ввязавшаяся в приграничный конфликт с Израилем, обратилась к арабским странам за во-

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

46 FI SAVIL AL-BAATH [Во имя возрождения. Сборник документов, принятых национальным руководством партии]. Багдад, 1963. С. 45.

енной помощью, на ее призыв откликнулся один только Ирак. Подразделения иракской армии, промаршировавшие тогда по улицам Дамаска, заставили многих сирийцев задуматься о том, что, возможно, федеративный союз с Иракским королевством – неплохая вещь.

На протяжении 1950-х Сирия оставалась слабым государством, которое не могли консолидировать ни военные, ни гражданские правительства. Такое положение вещей объяснялось не только разобщающими управленческими практиками ушедшей французской администрации, которая в свое время разделила страну на несколько полугосударственных автономных образований, обладавших не только собственными управленческими, законотворческими и финансовыми системами, но и самобытными механизмами налогообложения. Заметную негативную роль сыграл тот факт, что в Сирии, в отличие от ее соседей, после Первой мировой войны не удалось учредить монархию, которая смогла бы нивелировать местнические интересы и обуздать региональные олигархии; столь же значимым было и отсутствие у страны нефтегазовых доходов⁴⁷. Иначе говоря, в послевоенной Сирии наличествовала та предпосылка федеративного союза, которую Уильям Райкер называл «условием обороны»: страна нуждалась в такой сделке с соседями, которая поддержала бы ее шаткие политические структуры и укрепила бы столь же ненадежную безопасность. Указанное обстоятельство представляется исключительно важным, поскольку именно из-за него сирийские элиты отвергали «экспансионистский» федерализм Багдада; они нуждались в федерализации иного толка, в первую очередь способной справиться с внутренними проблемами сирийцев, а не удовлетворить внешние амбиции иракцев. И когда на арене межарабской политики появился революционный Египет, многим сирийцам показалось, что подходящий момент настал.

В принципе, золотая эра панарабизма началась в 1954 году не только из-за того, что новые египетские власти, решив за два предшествующих года ключевые проблемы консолидации, теперь могли заявить о своих внешнеполитических планах. Интеграционные усилия энергично продвигались также Ираком и Сирией, которые с 1954-го по 1964 год подписали шесть соглашений об объединении. В обеих странах отсутствовали институциональные основания, позволявшие закреплять итоги очередных раундов нескончаемой борьбы между консервативными и прогрессистскими силами, и эта особенность внутренней политики толкала их в объятия друг друга, хотя Сирия, как более слабый партнер, всегда побаивалась Ирака с его

47 MUFTI M. *Op. cit.* P. 56–57.

геополитическими амбициями. И вообще, главным фактором, стимулировавшим в 1950–1960-е панарабские политические проекты, была именно неустойчивость молодых арабских режимов: посредством федералистских схем они пытались внутренне укрепиться, обеспечив себе если не поступательное развитие, то хотя бы элементарное выживание.

Однако внешнеполитическая активность постреволюционного Египта серьезно скорректировала все эти процессы, сделав их более динамичными. В отличие от Хашимитских монархий, Египет эпохи Насера, стремившийся к доминированию в арабском мире, основывал свои интеграционные притязания на антиимпериалистических и антимонархических мотивах. Суэцкий кризис 1956–1957 годов, завершившийся морально-политической победой нового египетского руководства, сделал Насера едва ли не самой популярной политической фигурой Ближнего Востока, а республиканский режим «молодых офицеров» превратился в пример для подражания в глазах многих деятелей, освобождавших свои народы от колониального гнета. Кроме того, в борьбе за симпатии сирийских элит у Каира были два важных преимущества перед конкурентами: во-первых, он не казался политикам Дамаска таким угрожающе непредсказуемым, как, например, королевский Ирак, – хотя бы потому, что находился далеко, отделяясь к тому же израильским барьером; во-вторых, ориентируясь на интеграцию, египетское руководство опиралось на своего рода «пятую колонну», с конца 1940-х интенсивно укреплявшую свои позиции в странах-партнерах, – на политические структуры баасистов, которые уже с лета 1955 года через своих парламентских представителей начали продвигать идею федеративного союза Сирии и Египта.

Между тем Ирак, вступивший в 1955 году в спонсируемый англичанами антикоммунистический Багдадский пакт, терял, с точки зрения его соседей, свою привлекательность в качестве партнера по объединению. Сохранявшиеся, а в некоторых аспектах и укреплявшиеся связи Хашимитов с Великобританией дискредитировали их в глазах арабских националистов: одним из результатов этого стало падение авторитета Ирака среди сирийцев, или, говоря точнее, вытеснение иракского влияния египетским. Дело усугублялось еще и тем, что летом 1954 года Дамаск раскрыл военный заговор, подготавливаемый сторонниками иракских монархистов из числа офицеров сирийской армии. Это был тяжелый удар по престижу Ирака, поскольку местное офицерство очень боялось утратить свой статус после слияния с более крупной иракской армией⁴⁸.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

48 Ibid. P. 70.

(Впрочем, ирония состоит в том, что, сумев сохранить себя в интеграционной эпохее с Ираком, вооруженные силы Сирии позже не смогли защититься от той же напасти в истории с Египтом.)

Летом 1956 года Гамаль Абдель Насер приветствовал идею федеративного союза с Сирией в своей знаменитой александрийской речи, в которой было объявлено о национализации Суэцкого канала. В последующие недели десятки тысяч демонстрантов, запрудивших улицы Дамаска, скандировали: «Один флаг, один народ, одна страна». Многочисленные просчеты западных держав в сочетании с императивами политической борьбы внутри Сирии сделали египетский натиск неудержимым. Очень скоро, как пишет Малик Муфти, сирийским баасистам и их радикальным союзникам предстояло обнаружить, что «монстр, созданию которого они своими руками способствовали, подмял их самих»⁴⁹. Между тем к 1957 году позиции этих сил упрочились: левые организации, включая коммунистов, оказывали ощутимое влияние на армию, а баасисты, к тому же завладев постами спикера парламента и министра иностранных дел (последним, кстати, стал упоминавшийся выше теоретик панарабизма Салах Битар), воздействовали на государственный аппарат. Ориентированные на Каир силы в сирийском истеблишменте все более настойчиво предлагали египетскому руководству оформить федеративный союз, но президент Насер колебался, не совсем понимая, зачем ему дополнять и без того огромное неформальное влияние официальным оформлением федерации.

Между тем партия «Аль-Баас», вступившая к тому моменту в довольно жесткую конкуренцию с коммунистами, очень нуждалась в могучем союзнике, которого нашла в лице египетского руководства. В ноябре 1957 года при ее активной поддержке в Дамаске состоялось объединенное заседание парламента двух стран, призвавшее два правительства немедленно начать переговоры о федеративном союзе. Инициаторы процесса испытывали сильнейшее давление слева: так, сирийские коммунисты, рассчитывая потеснить «Аль-Баас», неожиданно выступили с идеей полного слияния двух стран, предполагавшей вхождение Сирии в состав Египта, – и соответствующую реконструкцию сирийской политической системы. С похожим предложением к египетскому лидеру обратилась и влиятельная группа сирийских военных. Баасистов же между тем устраивал лишь такой союз, который предусматривал бы государственную автономию Сирии, сохраняя за ними их политические позиции.

Таким образом, как иронично замечает Юджин Роган, сирийские националисты восприняли призывы египетского лидера к арабскому единству «более буквально, чем он на то рассчитывал»⁵⁰. Насер не преминул воспользоваться этим. Реагируя на предложения полного государственного единения двух стран, президент Египта выдвинул два условия: во-первых, сирийские военные дают обещание больше не вмешиваться в политику; во-вторых, все сирийские политические партии соглашаются самораспуститься, объединившись потом в новую политическую организацию – Национальный союз под руководством самого египетского лидера. Насеру хотелось с самого начала установить свое безраздельное господство в новом унитарном, как ему представлялось, государстве. Как и следовало ожидать, столкнувшись с таким накалом «братской любви» и осознав, что речь *de facto* идет о мирной аннексии Сирии, местные сторонники единения с Египтом решили сдать назад. Высший военный совет, прежде выступавший главным проводником интеграционных планов, отказался от своей инициативы, предоставив решение проблемы гражданским властям. Последние в свою очередь разработали свой интеграционный проект, предусматривавший широкую степень автономии для объединяющихся государств. Насер, однако, ответил на их новую инициативу отказом, заняв позицию «или слияние, или вообще ничего». Сражаясь между собой, сирийские политики переиграли друг друга; они использовали идею полного слияния с Египтом сугубо для устрашения своих оппонентов, но в результате лишили себя любых возможностей для маневра. По сути, большинству сирийских деятелей реальный союз на условиях Насера был вовсе не нужен – но выступить против него после выданных ранее безответственных авансов они уже не могли.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

УНИТАРНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ЕЕ СТРАННОЕ *ALTER EGO*

Как бы то ни было, в феврале 1958 года маховик объединения привели в действие, и его ход был стремительным: уже к началу весны подписанное представителями двух стран соглашение о создании единого государства – Объединенной Арабской Республики (ОАР) – одобрили на двух национальных референдумах, а Насер был избран президентом формируемого объединения. В преамбуле Конституции ОАР подчеркивалось, что новое государство представляет собой не союз двух сущностей, а единое и неделимое образование; заявляя о том,

50 ROGAN E. *Op. cit.* P. 384.

что новорожденная страна является «демократической, независимой, суверенной республикой», статья 1 Конституции ставила крест на египетском и сирийском суверенитетах. Хотя статья 58 и указывала, что ОАР «состоит из двух регионов, Египта и Сирии», об автономных полномочиях каждого из них в тексте Основного закона не было ни слова. В соответствии с конституционными положениями местные законы, управленческие органы и бюджеты сохранялись лишь на переходный период – до их полной унификации. Наиболее динамично шло слияние структур исполнительной власти, в ходе которого создавались единые министерства. Впрочем, с первых же дней новой жизни было понятно, что все принципиальные вопросы существования страны отныне решаются лишь в одном месте: в президентской администрации. Приоритетное внимание власти уделяли интеграции в военной сфере: поскольку с 1955 года участники союза были связаны пактом о взаимной обороне, этот процесс, по крайней мере на первых порах, шел довольно гладко – всего за несколько месяцев была создана объединенная армия.

Если арабская улица встретила интеграционную инициативу с восторгом, то внешние силы оценивали учреждение ОАР в зависимости от собственных геополитических предпочтений – иначе говоря, диаметрально противоположным образом. Антагонисты «холодной войны» в лице США и СССР видели в нем либо угрозу, либо потакание своим геополитическим амбициям. Среди наблюдателей царило, однако, единодушие в том, что под началом Насера родилась какая-то принципиально новая, невиданная ранее интеграционная форма, «свежий феномен международной жизни»⁵¹. Действительно, необычного было довольно много: например, нередко именуясь федерацией, учрежденная Египтом и Сирией политико-правовая сущность обзавелась объединенной легислатурой и общим главой исполнительной власти, а это никак не вписывалось в федералистские критерии. Правоведы, однако, обращали внимание на то, что состоявшееся в 1958 году египетско-сирийское слияние все-таки отсылало к определенным историческим прецедентам. Как подчеркивал в тот период британский юрист Юджин Котран, учредительные документы, которые провозглашали не столько «союз», сколько «единство» («“unity” rather than a “union”»), можно было сравнивать с унией Англии и Шотландии 1707 года, покончившей с их политической субъектностью с точки зрения международного права⁵².

51 *U.N. Trusteeship Council, Official Records, 21st Session, 880th Meeting, March 7, 1958.* New York: United Nations, 1958. P. 223.

52 COTRAN E. *Some Legal Aspects of the Formation of the United Arab Republic and the United Arab States // The International and Comparative Law Quarterly.* 1959. Vol. 8. № 2. P. 350.

Тем не менее множасьи политические проблемы союза затмевали собой несуразуцу его юридическх оснований. В рамках новой государственности Сирия превратилась в египетскую провинцию, управляемую египетским губернатором. Консолидируя власть на присоединенных землях, Насер подверг преследованиям прежних союзников: его видение будущего не предусматривало наличия в Сирии политических сил, которые были бы способны мобилизовать население. Разгромив сначала коммунистов – справедливости ради нужно отметить, что это было сделано не только в Сирии, но и в самом Египте, – он обрушился на партию «Аль-Баас», недавно громче всех агитировавшую за унию. В итоге эта партия фактически раскололась: если одна часть местных партийцев, устрешенная напористостью Насера, начала открыто призывать к выходу из новорожденного союза, то другая часть надеялась на взаимопонимание с новыми правителями и последующее укрепление своего влияния. «Нейтрализация баасистов устранила последнее препятствие к гегемонии египтян в Сирии», – заключает историк⁵³. Всего за пару лет проигрыш стал очевидным для всех сирийских элит: и политических, и экономических, и, самое главное, военных.

Для египетского президента тем не менее переживавший стрессы союз оставался весьма выгодным предприятием. Возглавляя сразу две крупные арабские страны, Насер мог претендовать на неоспоримое лидерство в арабском мире. А популярность этого объединения среди простых людей в других странах делала его могущественнее многих местных руководителей⁵⁴. Не собираясь ограничиваться союзом, состоящим из двух регионов, он после образования ОАР предложил присоединиться к объединенной республике и другим государствам. Более того, «арабские националисты, поддерживавшиеся активным образом египетскими спецслужбами, планировали осуществление панарабских переворотов в Ливане, Иордании, Ираке, Тунисе и других странах с целью прихода к власти в них юнионистских правительств, с участием которых можно было бы осуществить проект создания единого арабского государства»⁵⁵. В легальном же поле этот процесс получил дальнейшее развитие в марте 1958 года, когда ОАР начала диалог о создании новой государственной формы – Объединенных Арабских Государств (ОАГ) – с Северным Йеменом. В этом случае, впрочем, градус интеграции был значительно ниже: по сути, речь шла о формировании союза независимых стран, не предусматривавшего возникновения новой государственной сущности – то есть такого объединения, в котором «каждое го-

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

53 MUFTI M. *Op. cit.* P. 125.

54 ROGAN E. *Op. cit.* P. 387.

55 ТРУЕВЦЕВ К. *Указ. соч.* С. 144.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

сударство сохранит свою международную правосубъектность и систему правления» (статья 2 Хартии ОАГ)⁵⁶. Единые политические институты предполагались, но закрепляемые за ними полномочия позволяют говорить о том, что ориентиром для ОАГ выступала довольно рыхлая конфедерация. В тексте Хартии ОАГ выделяются всего три вопроса, подлежащих ведению наднационального центра: это выработка единой внешнеполитической линии, дипломатическое представительство, а также общие вооруженные силы. Что же касается формирования общего бюджета, а также создания единой валюты, то разрешение этих вопросов Хартия переносила на неопределенное будущее. Общая денежная эмиссия тоже осталась на проектной стадии.

Возглавляя сразу две крупные арабские страны, Насер мог претендовать на неоспоримое лидерство в арабском мире. А популярность этого объединения среди простых людей в других странах делала его могущественнее многих местных руководителей.

Включение Йемена в интеграционные процессы никак не сказалось на сложных взаимоотношениях внутри самой Объединенной Арабской Республики. К тому моменту наивысшая цель ОАР обозначилась довольно четко: объединение ориентировалось не столько на расширение за счет новых членов, сколько на сохранение египетско-сирийского альянса. Все три года, отведенные ему историей, этот проект держался на сакральных идеях арабского единения и личном авторитете Насера. Как справедливо отмечает Энн Александер, несмотря на ликующие толпы, неизменно и повсеместно приветствовавшие харизматичного египетского президента, в Сирии его престиж смог обеспечить создание лишь фасада, одной только видимости единства⁵⁷. К осени 1961 года былой энтузиазм, переполнявший сирийских сторонников панарабизма, полностью выветрился. Особое раздражение испытывали сирийские офицеры, которых намеренно переводили в Египет, где они находились под пристальным присмотром египетских командиров. Юджин Роган пишет:

«Политика египтян способствовала отчуждению сирийской политической элиты, полностью отстраненной от управленческих рычагов. Сирийское общество всегда отличалось бурной политической

56 См.: *The Charter of the United Arab States, March 8, 1958*. Basic Documents of the Arab Unifications. Documents Collection № 2. New York: Arab Information Center, 1958. P. 21–25.

57 Подробнее см.: ALEXANDER A. *Nasser*. London: Haus Publishing, 2005.

жизнью, а теперь сирийским политикам приходилось терпеть роспуск собственных партий и поглощение их однопартийной системой Египта»⁵⁸.

Последнее каплей стало состоявшееся в августе 1961 года упразднение Насером сирийских региональных правительств. Спустя месяц в сирийских армейских частях начался мятеж, оказавшийся успешным. Взяв власть на всей территории страны, армия незамедлительно передала ее гражданским политикам; сформированное ими правительство вышло из состава ОАР, превратив Сирию в унитарную республику⁵⁹. Вслед за крахом ОАР прекратила свое существование и ОАГ.

Неизбежным, хотя и не очень складным ответом на провозглашение Объединенной Арабской Республики стал долгожданный запуск Хашимитского интеграционного проекта: Арабского Союза, включившего в свой состав Ирак и Иорданию. Монархи двух стран учредили новое межгосударственное образование всего через две недели после создания ОАР, в чем наблюдатели усмотрели признаки их крайней обеспокоенности прогрессивной египетско-сирийской унией и исходившей от нее экспансионистской угрозой⁶⁰. К такому же шагу их подталкивали и влиятельные внешние акторы: так, Соединенные Штаты, усмотревшие в создании ОАР «победу Советов», хотели незамедлительно уравновесить ее каким-то консервативным и антикоммунистическим межарабским союзом. Хотя в идейно-политическом плане два объединения радикально отличались друг от друга, им было присуще важное структурное сходство: в каждом из двух случаев один член союза был заметно слабее своего партнера. И Сирия, и Иордания страдали от неустойчивости собственной государственности и немощи политических институтов, что вынуждало их искать надежную внешнюю опору; и если сирийским элитам на какой-то момент показалось, что консолидации выстроенного ими хрупкого политического режима поможет максимально тесное сотрудничество с революционным Египтом, то иорданские элиты нашли аналогичного патрона в лице династически родственного соседа. Иордания, менее года назад пережившая мятеж сторонников Насера, хотела от Ирака трех вещей: во-первых, защиты от внутренних беспорядков; во-вторых, доступа к расходным статьям более пухлого иракского бюджета; в-третьих, удовлет-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

58 ROGAN E. *Op. cit.* P. 402.

59 Подробнее о крахе ОАР см.: JANKOWSKI J. *Nasser's Egypt, Arab Nationalism, and the United Arab Republic*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002; PALMER M. *The United Arab Republic: An Assessment of Its Failure* // Middle East Journal. 1966. Vol. 20. № 1. P. 50–67; PODEH E. *The Decline of Arab Unity: The Rise and Fall of the United Arab Republic*. Eastbourne: Sussex Academic Press, 1999.

60 Подробнее см.: MADDY-WEITZMAN B. *Op. cit.*; ROBINS P. *Op. cit.* P. 107–109; TRIPP C. *A History of Iraq*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 139–143.

ворения панарабских чувств собственного населения. Все это ей было обещано.

Но даже в свете того обстоятельства, что Багдад принимал на себя 80% расходов будущего консолидированного бюджета⁶¹, Амман, вполне обоснованно опасавшийся «братского поглощения», не собирался отказываться от собственного суверенитета. Еще на стадии обсуждения проекта стороны постановили, что каждая из них сохранит государственную целостность, национальный суверенитет и действующую форму правления – выйдя тем самым за рамки федеративного устройства⁶². Позже это условие было зафиксировано и в Конституции Арабского Союза. В итоге природа новоявленного объединения оказалась в полном смысле слова парадоксальной. С одной стороны, появлялись федеральное правительство и федеральный парламент, состоявшие из представителей обеих стран, на союзные органы возлагалось проведение единой внешней политики и представительство за рубежом, намечалась унификация вооруженных сил, таможенных правил, образовательных систем, формирование общего бюджета, а Багдаду и Амману предстояло каждые полгода сменять друг друга в роли общесоюзной столицы. С другой стороны, поскольку прежние формы правления официально оставались неприкосновенными, каждая из стран продолжала иметь собственное правительство и собственный парламент. Более того, король Хусейн назначался главнокомандующим всех «федеральных» вооруженных сил, базирующихся в Иордании; это позволяло ему по-прежнему держать под своим началом иорданскую армию. «Созданную Хашимитами конструкцию невозможно было назвать федерацией, – вполне справедливо пишет Малик Муфти. – В лучшем случае они учредили конфедерацию двух суверенных монархий»⁶³.

Организация властной системы Арабского Союза отличалась явным перекосом в сторону старшего партнера. Должность президента, возглавлявшего исполнительную власть Союза, конституционно закреплялась за иракским королем, и лишь в случае невозможности исполнения им соответствующих обязанностей эти функции переходили к королю Иордании. Несмотря на то, что Совет Союза (федеральный парламент) комплектовался на паритетной основе, президент, то есть монарх Ирака, во-первых, тоже объявлялся носителем законодательной власти (статья 9), во-вторых, получал право распускать союзную легислатуру (статья 27), а в-третьих, мог не только

61 Это было предусмотрено статьей 64 Конституции Арабского Союза. См.: *The Constitution of the Arab Union. Basic Documents of the Arab Unifications. Documents Collection № 2.* New York: Arab Information Center, 1958. P. 26–43.

62 *The Proclamation of the Arab Union. February 14, 1958.* Basic Documents of the Arab Unifications. Documents Collection № 2. New York: Arab Information Center, 1958. P. 7–9.

63 МУФТИ М. *Op. cit.* P. 105.

назначать премьер-министра и кабинет, но и отправлять их в отставку (статья 43). Поскольку Конституция не содержала предписаний относительно национальной принадлежности министров, теоретически допускалась ситуация, в которой союзное правительство могло состоять только из представителей Ирака или, с меньшей вероятностью, Иордании.

Арабской федерации Ирака и Иордании, по мнению специалистов, не хватило двух жизненно важных вещей: народной поддержки и денег⁶⁴. В арабском общественном сознании того времени едва ли не безраздельно доминировал антизападный и антиссионистский настрой, утверждаемый боевитым арабским национализмом Насера. В подобных условиях проект кузенов-Хашимитов не имел шансов на успех: подобно всякому консервативному начинанию, он был всего лишь реакцией на поступки и действия иных акторов, не обладая внутренними стимулами для развития. Расширению социальной, финансовой и идейной базы этого межгосударственного объединения могло бы содействовать вовлечение в него новых членов, но, во-первых, кандидатов было совсем мало, а во-вторых, никто из них так и не согласился на вступление. Самые большие надежды творцы Арабского Союза связывали с Кувейтом, но его монарх так и не поддался на уговоры – даже после того, как премьер-министр Ирака Нури ас-Саид пригрозил аннексировать половину кувейтской территории, если эмират не войдет в состав его детища.

В экономическом плане объединение Ирака и Иордании заведомо не могло послужить импульсом к становлению эффективной хозяйственной системы. В условиях единого государства основные экономические тяготы брал на себя Багдад, который, по сути, обеспечивал обе страны. Впрочем, практически опробовать предлагаемые Хашимитскими политиками методы и рецепты так и не удалось. Арабский Союз должен был начать свою государственную жизнь после принятия подготовленной для него Конституции национальными парламентами Ирака и Иордании и последующего проведения первой внеочередной сессии Совета Союза. Но это событие, которое должно было произойти не позднее декабря 1959 года, так и не случилось: в июле 1958-го монархия в Ираке была свергнута в ходе кровавого военного переворота, а почти все представители правящей династии физически уничтожены. Вместе с ними от рук повстанцев погиб и Нури ас-Саид – один из самых пламенных панарабских федералистов XX столетия. Его последнее творение юридически прекратило существование спустя месяц, в августе того же года. Армейских революционеров, пришед-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

⁶⁴ См.: McNAMARA R. *Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East, 1952–1967: From the Egyptian Revolution to the Six-Day War*. London: Cass, 2003.

ших к власти в Багдаде, больше привлекал проект Объединенной Арабской Республики, по поводу которого в их рядах почти сразу же после революции произошел первый идейный раскол.

ПОСЛЕДНИЕ АККОРДЫ

После горького прощания Египта с Сирией не раз предпринимались попытки возродить Объединенную Арабскую Республику с новым составом участников. Синхронный приход баасистов к власти, в 1963 году состоявшийся в Сирии и Ираке, опять оживил дискуссию о целесообразности учреждения единого арабского государства. Баасисты двух стран, укрепившие свои позиции и сплотившиеся в реализации общепартийного интереса, обсуждали разнообразные интеграционные комбинации. Давно манивший их идеологов образ дуалистичной сирийско-иракской федерации соседствовал с еще более масштабными замыслами, в которых в роли федеративных партнеров баасистской оси Багдад–Дамаск должны были выступить либо один лишь Египет, либо же, вдобавок, Алжир и Йемен. Проекты обсуждались параллельно, а временами и весьма интенсивно, но обстоятельства не благоприятствовали их воплощению в жизнь. Так, в апреле 1963 года Египет, Ирак и Сирия почти договорились о запуске объединительной процедуры, подписав совместное коммюнике на этот счет, но уже в июле был вынужден уйти в отставку скрепивший его своей подписью президент Сирии, а в ноябре очередная междоусобица в Ираке очистила, пусть и ненадолго, органы власти этой страны от сторонников партии «Аль-Баас».

Последний более или менее серьезный приступ интеграционной лихорадки наблюдался в регионе более полувека назад, на рубеже 1960-х и 1970-х. В декабре 1969-го Гамаль Абдель Насер, Джафар аль-Нимейри и Муаммар Каддафи – президенты Египта, Судана и Ливии – подписали Триполитанскую хартию, в которой провозглашалось стремление возглавляемых ими стран к оформлению федеративного союза. Вполне ожидаемым образом прогрессивные лидеры имели в виду ту модель федерализма, которая не предусматривает жесткого разграничения полномочий между составными частями федерации и федеральным центром, а также допускает наложение их компетенций друг на друга. (В англоязычной литературе эту разновидность принято называть «гибким федерализмом» – *flexible federalism*⁶⁵.) Переговорам в Триполи способствовали два заметных собы-

65 См., например: BOUDREAU J. *Flexible and Cooperative Federalism: Distinguishing the Two Approaches in the Interpretation and Application of the Division of Powers* // National Journal of Constitutional Law [Toronto]. 2020. Vol. 40. № 1. P. 1–35.

тия, произошедшие несколькими месяцами ранее⁶⁶. Речь идет о революциях в Ливии и Судане, в ходе которых в этих странах, с одной стороны, рухнули испытывавшие глубокую неприязнь к республиканскому Египту режимы короля Идриса I и председателя Верховного государственного совета Исмаила аль-Азхари, а с другой стороны, к власти пришли местные движения «свободных офицеров», для которых египетский президент был безусловным кумиром. Неудивительно, что Насер, остро нуждавшийся в союзниках после неудачных интеграционных экспериментов начала–конца 1950-х, с готовностью откликнулся на идею еще раз объединить несколько арабских стран в одно большое государство.

Однако неожиданная кончина египетского руководителя осенью 1970 года вполне ожидаемо изменила соотношение сил в треугольнике Каир–Триполи–Хартум. Функции ключевого идеолога и главного проводника очередного интеграционного проекта подхватил ливийский вождь, чья харизма к тому времени, кстати, была уже вполне сопоставима с харизмой скончавшегося египетского президента. Возвышению Каддафи способствовало и то обстоятельство, что лидеры Египта и Судана на тот момент были изрядно обременены собственными внутренними неурядицами, сковывавшими их активность на международной арене. Озабоченный консолидацией только что полученной власти египетский президент Анвар ас-Садат, стремясь потеснить политических конкурентов, был вынужден инициировать так называемое «майское исправительное движение»: его авторитет пока явно не дотягивал до авторитета предшественника, что вынуждало нового главу государства всеми силами искать ресурсы, позволяющие укрепить собственный престиж. В свою очередь президент Джафар аль-Нимейри также не мог уделить интеграционным замыслам столько внимания, сколько ему хотелось бы, поскольку в суданском обществе после революции 1969 года в отношении панарабизма не было единодушия. С одной стороны, этой доктрине безоговорочно противились африканские этносы, проживавшие на юге Судана: не желая отождествлять себя с арабами, они опасались ущемления своих прав в случае создания государства, вдохновляемого арабской националистической идеей. С другой стороны, панарабизм отвергался теми исламистскими организациями, которые считали себя последователями зародившегося в конце XIX века махдизма, а также довольно влиятельными суданскими коммунистами, состоявшими в весьма запутанных отношениях с аль-Нимейри: последние, помня о преследованиях, которые Насер в свое время

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

66 Подробнее см.: BESHTOLD P. *New Attempts at Arab Cooperation: The Federation of Arab Republics, 1971–?* // *Middle East Journal*. 1973. Vol. 27. № 2. P. 152–172.

обрушил на головы их египетских однопартийцев, полагали, что любая интеграция с египтянами приведет к избыточному и вредному вмешательству Каира во внутренние дела страны⁶⁷.

Как бы то ни было, в ноябре 1970 года на конференции в Каире главы Египта, Судана и Ливии, подписав так называемую Каирскую декларацию, договорились о создании первых межгосударственных институтов – Объединенного национального совета безопасности, Высшего комитета планирования, а также комитетов по политике, экономике, информации и культуре, – которым предстояло уже на подготовительной стадии поддерживать набирающую обороты координацию. Проект тем временем получил дополнительных приверженцев: после того, как сирийские военные, возглавляемые Хафизом аль-Асадом, в 1970 году свергли президента Нур ад-Дина аль-Атаси, гражданские баасисты в Сирии были вытеснены военными баасистами, а это означало, что в новых властных структурах теперь преобладали представители той части сирийского офицерства, которая была недовольна провалом предыдущего объединения с Египтом. В результате обновленное правительство в Дамаске сразу же заявило о своей готовности присоединиться к Триполитанской хартии.

В конце 1970 года Высший комитет по планированию принял решение о разделении сфер ответственности между странами, намеревавшимися объединиться: комиссия по информации отныне заседала под председательством Судана, комиссия по экономике – Египта, культурная комиссия – Сирии, а политическая комиссия – Ливии. Кульминацией же этого взаимного тяготения стал апрель 1971 года, когда на встрече в ливийском городе Бенгази президенты Анвар ас-Садат, Муаммар Каддафи и Хафиз аль-Асад подписали соглашение о создании Федерации Арабских Республик (ФАР). На встрече, правда, отсутствовал президент Джафар аль-Нимейри, который из-за обострившейся ситуации на родине был вынужден вернуться в Хартум. Кстати, попытка свержения суданского президента, которую чуть позже, в июле, при поддержке коммунистов предпринял его бывший сподвижник Хашем аль-Атта, привела шестеренки новорожденного союза в движение: спровоцированный неудачным путчем ввод в Судан египетских и ливийских войск обосновывался выполнением положений Триполитанской хартии, которая была подписана и суданскими властями тоже.

Новообразованная Федерация Арабских Республик во многом походила на Объединенную Арабскую Республику, прекратившую свое существование несколькими годами ранее. Статья 1 Конституции ФАР определяла ее как федеративное государств-

67 Подробнее см.: ВЕСТГОЛД Р. *Politics in the Sudan: Parliamentary and Military Rule in an Emerging African Nation*. New York: Praeger, 1971.

во – несмотря на то, что в изначальном проекте Основного закона она именовалась «конфедерацией». К федеральной юрисдикции относились такие вопросы, как внешняя политика, оборона, экономика, национальная безопасность, а также культура и образование. Высшим органом власти был Президентский совет, состоявший из руководителей входящих в ФАР стран, председатель которого избирался на два года. Члены Президентского совета определяли состав федерального Совета министров, реализовавшего исполнительную власть на уровне всего объединения. Кроме того, Президентский совет комплектовал Палату правосудия, которой предстояло решать спорные вопросы, возникающие между федерацией и ее субъектами. Что же касается высших законодательных полномочий, то ими наделялась Федеральная национальная ассамблея, в которую входили по двадцать представителей от каждого государства-члена⁶⁸.

В первые месяцы функционирования нового объединения Египет и Ливия вели переговоры о том, чтобы сделать интеграцию в рамках Федерации Арабских Республик еще более тесной. Но «медовый месяц» продолжался недолго: уже к 1973 году между национальными лидерами возникли трения, обусловленные прежде всего отходом президента ас-Садата от наследия насеризма, причем как во внутренней, так и во внешней политике. В частности, разворот Египта от сотрудничества со странами Восточного блока к более тесным связям с западными государствами воспринимался в Триполи чуть ли не как предательство идей панарабизма. Кстати, преамбула Конституции ФАР декларировала «борьбу с империализмом» (а также с «сионизмом», в пособничестве которому Садата будут обвинять через несколько лет) в качестве одного из проявлений борьбы за арабское единство. В дальнейшем противоречия между Каиром и Триполи не только углублялись, но и переросли в краткосрочную египетско-ливийскую войну 1977 года, предрешившую скорый крах юной квазифедерации.

Как ни удивительно, взаимная ссора не отвратила ни Египет, ни Ливию от автономного продолжения интеграционных экспериментов. Муаммар Каддафи нашел себе нового единомышленника в лице тунисского президента Хабиба Бургибы, который с 1950-х вынашивал собственный план интеграции стран Северной Африки, подразумевавший объединение Туниса, Ливии и Алжира⁶⁹. Правда, сами кандидаты на объединение воспринимали подобные проекты с немалой тревогой: преж-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

68 Подробнее см.: *The Constitution of the Federation of Arab Republics (FAR)* // *The Middle East Journal*. 1971. Vol. 25. № 4. P. 523–529.

69 См., например: НАНН L. *Last Chance in North Africa* // *Foreign Affairs*. 1958. Vol. 36. № 2. P. 302–314; ДЕЕВ М.-J. *Inter-Maghribi Relations since 1969: A Study of the Modalities of Unions and Mergers* // *The Middle East Journal*. 1989. Vol. 43. № 1. P. 20–33.

нее сближение Египта, Ливии, Сирии и Судана, увенчавшееся учреждением ФАР, рассматривалось их соседями в качестве угрозы сложившемуся в регионе балансу сил. Весьма показателен тот факт, что, как только предыдущее интеграционное объединение появилось на свет, встревоженные этим страны Магриба, а также Марокко едва ли не мгновенно сумели уладить разногласия по многим вопросам, которые оставались для них неразрешимыми на протяжении долгих лет⁷⁰.

В свете сказанного не стоит удивляться, что разлад между египтянами и ливийцами местные акторы восприняли с облегчением; более того, он объективно отвечал интересам небольших стран, которых устраивала любая формула, блокирующая альянс Ливии с Египтом и Суданом – и, следовательно, не допускавшая появление регионального гегемона-тяжеловеса. Именно поэтому президент Бургиба незамедлительно решил воспользоваться вновь сложившейся политической диспозицией и начать самостоятельное сближение с Триполи. В сентябре 1973 года в одном из своих интервью тунисский лидер заявил, что ему хотелось бы видеть единое североафриканское государство в составе Туниса, Алжира, Ливии и Мавритании со столицей в тунисском городе Кайруане. Развивая эту магистральную линию, в 1974 году Ливия и Тунис подписали Джербскую декларацию, выразив в ней свою готовность образовать Арабскую Исламскую Республику.

Однако этот проект тоже оказался мертворожденным. С одной стороны, к 1974 году уже было ясно, что никакого будущего у ливийско-египетского альянса нет, а значит, и противодействовать нечему; причем, как ни парадоксально, отсутствие угрозы с востока сказалось на интеграционных процессах внутри Магриба не позитивно, как можно было бы ожидать, а негативно. С другой стороны, в набравшем обороты альтернативном сближении Туниса и Ливии некоторые их соседи – прежде всего Алжир – усмотрели покушение на собственную национальную безопасность. Обеспокоенные алжирские власти не только отвергли возможность собственного присоединения к гипотетической ливийско-тунисской унии, но и пригрозили вводом своих войск в Тунис в течение 24 часов, если проект по созданию Арабской Исламской Республики все-таки перейдет в практическую плоскость. В ответ на эти действия Каддафи, беседуя с журналистом ливанской газеты, иронично заявил: «Алжирцы – странный народ: сами ни с кем не объединяются и другим не дают»⁷¹. Тем не менее из-за всех этих затруднений Бургиба в 1974 году был вынужден объявить об отказе Туниса от Джербских соглашений.

70 См.: ДЕЕВ М.-Ж. *Op. cit.*; GRIMAUD N. *La Politique Exterieur de L'Algerie*. Paris: Edition Karthala, 1984.

71 ДЕЕВ М.-Ж. *Op. cit.*

Египет же тем временем вел переговоры с Сирией о создании новой унии, но уже в рамках Федерации Арабских Республик. К 1977 году к диалогу между Дамаском и Каиром присоединился Хартум, власти которого заявили о желании воссоздать аналог ФАР, но теперь уже в составе Египта, Сирии и Судана. Однако и этому проекту не суждено было сбыться. Египетское «хождение в Каноссу», как прозвали визит Анвара ас-Садата в Иерусалим в ноябре 1977 года, и последующее заключение Кэмп-Дэвидских соглашений обрекли Египет на общеарабскую изоляцию, что надолго подвело черту под всеми интеграционными начинаниями «страны фараонов».

**АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ**

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

* * *

Несмотря на бесплодность федералистских экспериментов, регулярно затеваемых различными акторами ближневосточного политического процесса в 1940–1970-е, их все-таки нельзя объявить исключительно пустой и абсолютно бессмысленной тратой сил. Дело в том, что во всякой имплементации федеративной системы важнейшую роль играет предыдущий институциональный опыт: готовность воспринимать рассредоточение власти в качестве ценности, умение уступать партнерам по политическому диалогу и договариваться с ними, осознание миротворческого потенциала федералистских подходов. Однажды возникнув в недрах политической культуры той или иной страны, подобные вещи не исчезают бесследно, вновь и вновь напоминая о себе в подходящих ситуациях. Именно поэтому в политических, общественных, научных дебатах о гипотетической федерализации Йемена, Ливии, Сирии, других арабских стран, идущих в первые десятилетия XXI века, обязательно затрагиваются более ранние, пусть даже не слишком удачные или не очень значительные, явления федерализма. Причем такая связь не только естественна, но и продуктивна: она не позволяет дискредитировать федерализм как инструмент, якобы чуждый арабской политической культуре и потому отторгаемый ею.

Более того, за минувшие полвека выяснилась и еще одна любопытная деталь. Поскольку национальные государства Ближнего Востока и Северной Африки оказались не в состоянии удовлетворить тяготение к единству, мучающее арабский мир с самого распада Османской империи, за решение этой задачи в последние годы взялись иные, негосударственные, акторы. Сегодня проводниками межарабской интеграции, наглухо застопорившейся, но продолжающей будоражить арабское политическое воображение, выступают, как ни прискорбно это

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ,
ЛЕОНИД ИСАЕВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ:
ФЕДЕРАЛИЗМ И АРАБСКАЯ
ИДЕЯ

признавать, интернациональные фундаменталистские и террористические группировки, вписывающие пункт о воссоздании той или иной разновидности панарабского халифата в свои программы⁷². Это тревожная, если не сказать больше, тенденция; и от того, как на нее отреагируют нынешние архитекторы арабской политики, будет зависеть многое. В принципе, нельзя исключать, что ответом на «альтернативную интеграцию», затевавшуюся не так давно запрещенным в России «Исламским государством» и ужаснувшую не только арабские, но и иные столицы, могут стать новые интеграционные импульсы, сплачивающие существующие государственные структуры перед лицом новоявленных негосударственных объединителей-«хищников». Ведь старая проблема никуда не делась, и, если неэффективная ближневосточная бюрократия не займется ею сама, в предстоящие годы у нее обязательно найдутся гораздо менее приятные «сменщики».

72 Некоторые авторы довольно давно обратили внимание на эту особенность. См., например: ZOLI C. *The Strategic Roots of Arab Federalism and Its Failure: Transnational Sovereign Power Issues, Military Rule, and Arab Identity* // KAVALSKI E., ZOLKOS M. (Eds.). *Defunct Federalisms: Critical Perspectives on Federal Failure*. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 103–113.